

ЧЕЛЫШЕВ Дмитрий Евгеньевич
кандидат исторических наук,
независимый исследователь
Москва, Российская Федерация
Dmitry E. CHELYSHEV
Cand. Sci. (General History),
Independent Researcher,
Moscow, Russian Federation,
de_chelyshev@list.ru

УДК [323.328:82-992]+725.94(470+540)"14/..."
ГРНТИ 13.17.00
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.002

Афанасий Никитин в Индии: историческая ретроспектива легендарного путешествия

Afanasy Nikitin in India: A Historical Retrospective of the Legendary Journey

В статье определено историческое значение путешествия тверского купца Афанасия Никитина в аспекте его влияния на последующее развитие культурных контактов между Россией и Индией, а также выявлен ряд обстоятельств, связанных с установкой в Индии единственного памятника путешественнику. Проанализирован текст литературного памятника XV в. «Хождение за три моря», использованы результаты исследований индийских и российских ученых, ряд англоязычных источников. Подчеркивается историческая ценность путевых заметок А. Никитина как единственного свидетельства о реалиях жизни индийского общества в государстве Бахманидов, что позволило автору обоснованно внести ряд корректив в исторические данные. Подвергнута критике концепция ориентализма в оценке значимости и мотивов деятельности известных российских путешественников и исследователей Востока. Сооружение памятника А. Никитину в 2001 г. трактуется как событие, придавшее новый импульс развитию и расширению российско-индийского сотрудничества.

Ключевые слова: Афанасий Никитин, И. П. Минаев, «Хождение за три моря», государство Бахманидов, Индия, ориентализм, культурное наследие.

В этом году исполняется 20 лет со дня торжественного открытия в Индии первого и пока единственного за рубежом памятника русскому первопроходцу — тверскому купцу Афанасию Никитину. Точную хронологию его

знаменитого «Хождения за три моря» определить невозможно: с учетом разброса дат, приводимых различными исследователями, считается, что он совершил его в период с 1466 по 1472 г. Цель данной статьи заключена

в изложении истории открытия единственного памятника А. Никитину в Индии, а также в научном обосновании историко-культурной значимости фигуры знаменитого путешественника на основе авторского анализа его путевых заметок. Актуальность темы связана с необходимостью активизации российско-индийских культурных отношений, в чем подобные памятники играют немаловажную роль. Исследование было осуществлено с помощью исторического, логического методов, теоретического анализа, эмпирического наблюдения, сопоставительного анализа полученных данных.

Начиная с середины XIX в. о путешествии Никитина в Индии было написано немало статей и книг. Первая исследовательская работа, специально посвященная этому памятнику литературы, появилась в 1856 г. и принадлежала перу академика Петербургской Академии наук И. И. Срезневского [19]. В 1881 г. вышла работа известного востоковеда И. П. Минаева, специально ей посвященная [10]. Отдельные труды появлялись в печати и позже. Например, князь Н. С. Трубецкой, находясь в эмиграции в Праге, в 1926 г. опубликовал в издававшемся в Париже журнале «Версты» статью об этом древнем произведении [16]. Интерес к рукописи возрос в послевоенное время прошлого века. Можно назвать историческую повесть К. Кунина [8], исследования В. А. Кучкина [9], М. Виташевской [2], Л. С. Семенова [13] и др.

Большое количество работ появилось и в новой России уже в текущем веке [5, с. 152–155] [6, с. 140–145] [1, с. 14–17] [17, с. 98–99] [20, с. 24–36] [12, с. 518–532] [15, с. 30–36] [3, с. 25–29]. Сочинение А. Никитина становилось и темой диссертационного исследования [14]. Краткая точная информация об этом памятнике содержится в академической статье И. Л. Галинской «Афанасий Никитин» [4, с. 141–142]. Сам текст небольшой, на современном литературном русском языке он занимает 15 стр.

Не секрет, что уникальность путешествия Никитина состоит не только и даже не столько в том, что он оказался первым из числа донныне известных русских путешественников, достигших индийских берегов в далеком XV в. Может быть, со временем мы

узнаем новые имена тех, кому довелось посетить Индию до легендарного тверичанина. Гораздо важнее другое: до наших дней каким-то чудом дошел дневник, который он вел во время своего путешествия. Это обстоятельство делает его смелое предприятие знаковым, имеющим немного аналогов в научном и историческом планах. Документ представляет собой ценнейший источник информации об историческом периоде развития Индии, который до сих пор изучен поверхностно ввиду отсутствия достаточного объема достоверных данных и источников.

«Сравнение записок Аф. Никитина с западными географическими памятниками XV и XVI веков не окажется к невыгоде русского путешественника, — отмечал в своем фундаментальном труде „Старая Индия. Заметки на хождение за три моря Афанасия Никитина“, изданном в Санкт-Петербурге в 1881 г., известный русский индолог И. П. Минаев. — Уступая им часто в красоте изложения и богатстве фактических подробностей, тверич Никитин превосходит весьма многих беспристрастным, наблюдательностью и толковостью; трезвость, отличающая все его сообщения, и верность наблюдения дают право сравнивать его заметки с самыми выдающимися из старинных путешествий» [10, с. 2].

Скрупулезный научный анализ текста записок тверского купца и сопоставление содержащихся в нем наблюдений с известными историческими фактами и гипотезами подтверждает этот вывод.

Впервые внимание на эти записки обратил Н. М. Карамзин (1817), а первое издание было осуществлено в Москве академиком Петербургской Академии наук П. М. Строевым (в «Софийском временнике») в 1821 г. Второй раз они были изданы в Санкт-Петербурге в 1849 г. в «Сказании Русского народа» (сост. И. П. Сахаров). Отдельным изданием «Хождение за три моря» вышло только в 1948 г. (в серии «Литературные памятники») [11]. За ним последовало большое количество переизданий.

На английский они были переведены секретарем русской миссии при дворе святого Иоанна в Ватикане графом Виельгорским. Он воспользовался для этого так называемым

«Троицким списком», в состав которого был включен текст «Хождения» Афанасия Никитина. Аутентичная копия древнего манускрипта была получена благодаря ходатайству русского посла при британском королевском дворе барона Брунова.

Позже этот перевод был включен в сборник исторических хроник и документов под общим заголовком «Индия в пятнадцатом веке. Собрание рассказов о путешествиях в Индию из латинских, персидских, русских и итальянских источников, впервые переведенных на английский язык», опубликованный по инициативе известного английского научно-просветительского благотворительного общества «Хэклот» под редакцией Р. Х. Мэйджора в 1857 г. [27, pp. 198–223].

Именно благодаря публикации перевода графа Виельгорского дневник Афанасия Никитина вновь оказался в той стране, по которой он странствовал почти 400 лет тому назад. О первом переводчике «Хождения» на английский язык известно очень немного. Его современники отзывались о нем как о смелом и талантливом молодом человеке и истинном патриоте России. В последнем, наверное, они не ошибались, так как подающий большие надежды молодой дипломат предпочел на деле доказывать свою преданность родине и в итоге погиб в ходе крымской кампании в декабре 1855 г.

Книга с его переводом дневника Афанасия Никитина вышла в свет спустя два года после его смерти. Очень скоро, оказавшись в поле зрения индийских, а также проживавших в те годы на территории Индии португальских и британских авторов и исследователей, текст «Хождения за три моря» в буквальном смысле слова обрел вторую жизнь и вызвал множество публикаций, посвященных как самому путешествию Никитина, так и сопоставлению описываемых в его записках событий и реалий с имевшимися научными данными о социально-экономическом развитии тех областей, которые довелось посетить русскому купцу во второй трети XV в., о культуре, традициях и обычаях народов и племен, населявших в те времена эти регионы.

Дневники русского путешественника оказались подлинной сенсацией, опровергнув

хрестоматийные представления о пальме первенства в «открытии» Индии для европейцев. «В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, — писал в своих комментариях по поводу дневников Афанасия Никитина обнаруживший эту рукопись известный русский историк Н. М. Карамзин, — наш Тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о догматах их веры» [7, с. 226].

Публикация дневников русского путешественника послужила мощным стимулом для пробуждения в Индии интереса и вкуса к изучению собственной истории. Рукопись Афанасия Никитина оказалась предметом пристального изучения лучших историков, этнографов, религиоведов и политологов того времени, хотя сам текст его дневников и говорил о том, что уровень образованности и эрудиции автора были не очень высоки. Но от исследователей не ускользнула одна важная деталь: благодаря природной остроте ума, смекалке и проницательности Никитин сумел подметить многие особенности быта тех народностей, которые населяли в те годы западное побережье Индии, уловить некоторые черты характерной для них культуры и обычаев. В поле зрения исследователей вновь попал небольшой городок Чаул, расположенный приблизительно в 130 км к югу от Бомбея, где впервые ступил на индийскую землю русский первопроходец.

К тому периоду, когда дневники тверского купца были опубликованы в Индии, уже была достаточно освоена знаменитая бомбейская гавань, быстрыми темпами шло строительство портовых сооружений, автомобильных и железных дорог и прочей необходимой инфраструктуры для функционирования большого порта, и поэтому та часть малабарского побережья, где высадился русский купец, уже практически полностью утратила былое экономическое и хозяйственное значение для жизни страны.

Для многих явилось подлинным открытием, что захолустные южные окрестности Бомбея в далеком XV в., оказывается, играли исключительно важную роль в торговом общении между Индией и заморскими тер-

Путь Афанасия Никитина за три моря

/1466-1472 гг./

держание путевых заметок тверичанина, представить себе ту атмосферу, в которой он оказался, впервые ступив на неизведанную землю, попытаться вообразить, что мог чувствовать обычный купец из средневековой русской глубинки, очутившись в «сказочном» и «фантастическом» для него мире. В этом смысле работа португальского автора представляет немалый интерес, органично дополняя тот бытовой и исторический контекст, который присутствует в дневниках самого Никитина в весьма фрагментарном и эпизодическом виде.

Порт Чаул, в районе которого высадился на берег Афанасий Никитин, был известен начиная с I—II вв.н.э. — в качестве одной из главных торговых артерий Индии. Одноименная полноводная река (в прошлом известная как Кондулика, а ныне превратившаяся в едва заметный ручеек) образовывала при

впадении в Аравийское море удобную и достаточно обширную гавань, в которой швартовались суда, прибывавшие с товарами в Индию из многих частей света. В исторических хрониках и географических атласах многих стран, как отмечает в своем исследовании Гереон де Кунья, этот известный порт на западном побережье Индии был известен под разными названиями. Древние греки нарекли его Симилла, арабы именовали Саймур, в мусульманских средневековых текстах он упоминается как Чивел, а в маратхских источниках как Ченвал.

На протяжении многотысячелетней истории этому портовому городу не раз доводилось переживать периоды небывалого расцвета и совершеннейшего упадка, один из которых наступил в Средние века, в нача-

Рис. 1. Маршрут путешествия Афанасия Никитина по Индии [18]

риториями, о чем, в частности, отталкиваясь от дневников А. Никитина, подробно написал в своей книге «Записки об истории и древности Чаула и Бессейна» известный португальский историк Гереон де Кунья. Симптоматично, что эта книга была опубликована в 1876 г. [21], то есть спустя всего лишь год после того, как английский перевод дневников русского торговца начал распространяться в Индии.

Подробное описание известного индийского портового города XV в. Чаула, которое дает в своем исследовании португальский ученый, представляет большой научный интерес. Но ценность исследования де Куньи не ограничивается только лишь этим аспектом. Благодаря предпринятому им подробному историческому экскурсу мы имеем сегодня возможность лучше понять и оценить смысл и со-

ле правления династии Бахманидов. Начиная с 1347 г. все обширные территории западного побережья Индии, включая порт Чаул, и вплоть до расположенного почти на четырехста километров в глубь материка г. Бидар перешли во владение султана Аляутдина Хусейна Бахмани, который к тому времени уже правил на значительных территориях Деканского плоскогорья. Торговля, как свидетельствуют исторические хроники, не особенно интересовала правителей этой могущественной династии, и поэтому значение портового г. Чаул стало неуклонно понижаться, пока не сошло практически до нулевой отметки.

Тем не менее, начиная приблизительно с середины XIV в., приоритеты тогдашних правителей этих территорий претерпели изменения, и портовый город вновь начал возвращаться к своей привычной оживленной торговой жизни. Убедительным подтверждением тому могут служить записки Никитина. О том, как выглядел этот важнейший в торгово-экономическом отношении регион Индии, мы можем, по существу, судить лишь по дневниковым записям русского купца и португальского путешественника Людовико де Вертемы, который посещал этот порт в период с 1503 по 1508 г., то есть более чем через 30 лет после русского купца.

Судя по этим запискам, можно предположить, что любой иноземец, впервые оказавшийся здесь, не испытывал психологического дискомфорта и сравнительно легко мог адаптироваться к окружающей среде: это был в полном смысле слова космополитический торговый центр, где наряду с доминирующим индусским и мусульманским населением проживали достаточно многочисленные общины евреев, парсов и значительное число выходцев из Турции, стран Ближнего Востока и даже христиан. Заезжие купцы чувствовали себя здесь весьма вольготно — практически всегда можно было найти своих соплеменников, готовых выступить в качестве посредников и переводчиков, и, что самое главное, можно было не опасаться чересчур сильного религиозного давления и всевозможных ограничений, вводимых мусульманскими правителями, отчего в немалой степени страдали многие торговые миссии в других регионах Индии.

В своих дневниках оба путешественника рассказывали о том, что порт Чаул в середине XV в. жил насыщенной и полной жизнью. На многочисленных базарах и рынках города в изобилии торговали зерном, орехами, специями, всевозможными свежими и сушеными овощами и фруктами, а также домоткаными тканями из натурального хлопка и шелка.

Тем не менее такое небывалое по тем временам изобилие не слишком поразило воображение тверского купца, и он не стал здесь особо задерживаться, проведя в этих местах ровно столько времени, сколько требовалось для своеобразного маркетинга. Целеустремленность и практичность русского путешественника не могут не поражать — довольно быстро уяснив для себя, какой интерес с точки зрения торговли и коммерции может представлять для России династия Бахманидов, он приискал для себя подходящих попутчиков и направился дальше в глубь страны, в направлении горной гряды Западных Гхатов. «По всей вероятности, — отмечал в этой связи И. П. Минаев, — Аф. Никитин был одним из первых и немногих христиан, проникших в XV в. во внутренность Декана. Португальцы появились в Индии позднее. Хотя, несомненно, христиане и христианские миссионеры бывали в Индии гораздо ранее Аф. Никитина... но все известия одинаково относятся к христианам побережных городов; случайно, быть может, христиане решались проникать в глубь Декана; но, по всей вероятности, охотников на то было немного» [10, с. 34–35].

Выбирая маршруты путешествия, русский купец руководствовался одному ему ведомыми соображениями, о которых мы сегодня можем лишь догадываться. В контексте предпринимаемого исследования гораздо важнее другое, а именно тот немалый и неподдельный интерес, который описания его странствия по индийским просторам пробудили в самых широких слоях индийской общественности после их публикации на английском языке. Дневники русского первопроходца вызвали целую серию публикаций в так называемых газетирах, или, иначе говоря, реферативных справочных изданиях, получивших широкое распространение в Англии и Индии начиная с середины XIX в. Эти работы

в немалой степени способствовали оживлению интереса в Индии к собственной истории и послужили своего рода стимулом для исследования до той поры малоизученных ее страниц. Они же выступили основой для многих ценных научных открытий в области истории торгово-экономических отношений страны с сопредельными государствами.

Индийские и английские авторы этих статей подробно реконструировали маршрут Афанасия Никитина по тем ссылкам, которые встречаются в его дневниках, задавались вопросом о том, какой именно населенный пункт служил промежуточной точкой его путешествия по Деканскому нагорью с учетом разночтений в написании географических названий в древности и в современную им эпоху.

По поводу некоторых гипотез и предположений велись оживленные дискуссии и жаркие споры. Так, существовали разные интерпретации спорного географического названия, упоминаемого в дневниках Никитина [25]. Согласно одной из версий, под названием «Пили» в его тексте могли подразумеваться пещеры Пулу-Сонале, расположенные у подножья горного хребта, через который пролегает известный перевал Нана. Эта гипотеза принадлежит известному индийскому историку Пандиту Бхагванлалу Индраджи, который посвятил много лет исследованию и описанию этих пещер, создание которых датируется VII–VIII вв. н.э.

Если следовать этой версии, то путь русского путешественника в Джуннар, первый крупный населенный пункт, должен был пролегать через этот перевал, распложенный приблизительно в 27 км к северо-западу от города. Этот маршрут был проложен во времена древней династии Сатваханов с целью соединения их столицы (Джуннар) с такими важными торговыми центрами, как Кальян и Нала-сапора. Вполне возможно, как отмечал в 1882 г. автор одной из публикаций в газетах, что многие торговые миссии из Чаула следовали именно этим путем для того, чтобы достичь многих влиятельных центров материковой Индии.

Находились даже энтузиасты, которые не жалели времени и сил для того, чтобы на практике проверить правильность выска-

зываемых предположений. Так, по итогам экспедиции, предпринятой в 1885 г. группой добровольцев, взявшихся пройти пешком от пещер Пулу-Сонале, о которых писал Никитин [23, р. 262], до Джуннара через перевал Нана, удалось доказать, что на это требуется значительно меньше, чем 16 дней, как полагали сторонники этой версии. Поэтому в итоге она была отвергнута. Аналогичные оживленные дебаты вызывали и другие маршруты русского купца по Индии.

По ходу странствий Никитину, судя по всему, нередко встречались действующие или уже заброшенные к тому времени и лежащие в руинах крепости, бастионы и иные фортификационные сооружения, которые обычно возводились в древности на вершинах и отрогах гор, в непосредственной близости от традиционных мест поклонений; пещеры и скальные храмы, относящиеся к периоду расцвета в Индии раннего буддизма ветви хинаяны.

Ко времени посещения этих мест Аф. Никитиным независимый и самостоятельный статус этих центров уже был безвозвратно утрачен. Все крепости пали, а буддистские монастыри оказались разоренными приблизительно в 1436 г., когда эти области оказались завоеванными мусульманскими армиями под предводительством султана Бахмани.

Первый крупный населенный пункт на пути следования Афанасия Никитина — г. Джуннар — расположен у подножья высокого холма, венчаемого крепостью Шивнери. Он считался в те годы одним из наиболее хорошо защищенных и неприступных центров. Исторические хроники свидетельствуют, что строительство различного рода фортификационных сооружений на вершине холма Шивнери началось еще в глубокой древности, во времена правления династии Сатваханов (30 г. до н.э.) и продолжалось затем в годы возвышения Чалукьев (550–642 гг. н. э.) и Раштракутов (742–973 гг. н.э.). Позже укрепленные сооружения на вершине холма перешли под контроль династии Ядавов, которые правили в этих местах с 1170 по 1308 г. В 1443 г. крепость после долгой осады пала под натиском войск Бахманидов, перестроивших и усовершенствовавших ее по собственному образцу.

В публикуемых в газетах материалах подробно комментировались те места из записок Афанасия Никитина, в которых он описывал свое пребывание в Джуннаре и рассказывал о неприступной по тем временам крепости Шивнери [23, р. 225]. Так, историки тех времен, ссылаясь на свидетельства русского купца, заключали, что единственной доступной дорогой на вершину холма могла служить узкая тропинка, восхождение по которой занимало очень много времени и требовало больших усилий. «Город Джунир (Джуннар) находится на каменном острове, который никем не устроен, а сотворен Богом,— отмечал в своем дневник Никитин.— <...> Один человек поднимается на гору целый день, дорога тесна, двоим пройти нельзя» [23, р. 225]. И хотя это описание совершенно не походило на ту картину, которую представлял собой форт Шивнери в конце XIX столетия (англичане, установившие свой контроль над этими территориями, начиная с 1818 г., по своему обыкновению, перестроили и благоустроили подъездные пути к крепости), это ни в какой мере не служило поводом для того, чтобы усомниться в достоверности записок русского путешественника.

Еще одним городом, который посетил по пути своего странствования Никитин и о котором в этой связи подробно писалось в газетах 1880 г., был портовый центр Дабул. Комментируя соответствующие места из дневников русского путешественника, авторы этих публикаций особо выделяли те места из его повествования, где Никитин писал о Дабуле как о большом городе, в котором сливаются воедино многие нации и народности, проживающие на океанских побережьях от Индии до Эфиопии [18, с. 60].

В газетах обсуждался не только маршрут Афанасия Никитина. Так, записки русского путешественника вызвали целую научную дискуссию по вопросу о роли и месте принудительного или рабского труда в экономике средневековой Индии. В этой связи появилось немало публикаций, авторы которых подробно анализировали такой примечательный и любопытный факт из истории Индии Средних веков, как массовое привлечение рабской силы из Абиссинии для выполнения различ-

ного рода тяжелых и непопулярных среди местного населения работ.

Оживленная научная дискуссия об абиссинских рабах, развернувшаяся на страницах научных журналов в конце XIX в., попутно выводила на другую, не менее интересную и важную проблематику: обсуждение и оценку роли религиозного фактора в процессе ассимиляции в Индии различных инонациональных и иноэтнических общин и народностей.

Значительная по численности община выходцев из Абиссинии, проживавшая на территории Индии в Средние века, представляла в данном случае наглядный пример. Дело в том, что дальнейшая судьба выходцев из этих североафриканских регионов, которых во времена правления в Индии династии Бахманидов называли собирательными терминами «хабши» (по всей видимости, от арабского названия Абиссинии «хабаш») или «сиди» и которые привлекались тогдашними правителями Индии в качестве физически крепких и выносливых рабов и бесстрашных наемных воинов, складывалась любопытным образом. Зачастую, принимая ислам, бывшие рабы обретали иной социальный статус и быстро поднимались по ступеням общественной и политической иерархии. Путь обращения в новую веру сулил во времена правления Бахманидов очень выгодные перспективы, на что особенно важно обратить внимание в контексте изучения записок Афанасия Никитина и анализа его странствий по территории Индии.

Можно поэтому предположить, что для тверского купца, путь которого по Индии пролегал в основном по территориям, находящимся под господством Бахманидов, вопрос о смене веры часто приобретал не просто умозрительный, а совершенно практический смысл. Обрести сколько-нибудь значимый общественный статус (а порой сохранить имущество и саму жизнь) без этого было делом далеко не простым. Уместно напомнить, что известный венецианский купец Николо де Конти, путешествовавший по Индии почти в то же время, что и Никитин, был вынужден принять ислам перед лицом реальной угрозы для его жизни. Подобные случаи были, судя по всему, не так уж редки. Так, И. П. Минаев, ссылаясь на книгу английского путешественника Саму-

эля Пёрчеса «His Pilgrimage or Relation: of the World», изданную в Лондоне в 1617 г., упоминает об англичанине Роберте Джонсоне, который «рenegатством пробил себе дорогу к почестям при дворе Деканских царей, но недолго пользовался им, ибо через восемь дней по обрезании умер; другие два — Роберт Клакстон и Роберт Тралии... добровольно дали ограбить у себя то, чего у них никогда не было, то есть веру и религию, и омусульманились» [24, р. 327].

Многие места дневников Никитина свидетельствуют о том, что русскому купцу нередко приходилось отстаивать свои религиозные убеждения в нелегкой борьбе, из которой он в конечном итоге вышел победителем. Но при этом он потерял в другом — христианская вера, которую так ревностно оберегал тверичанин, на всем протяжении его странствий по индийской земле выступала в качестве главной преграды, препятствовавшей его психологической адаптации к окружающей действительности. Но он не пожертвовал ей, что характеризует его как человека цельного и сильного, сумевшего избежать растворения в принципиально иной социально-культурной и религиозной среде.

Хотя обе основные религии, с которыми Никитину пришлось столкнуться в Индии, — ислам и индуизм — были для него в равной мере неприемлемы, его отношение к ним было различным. Свойственный индуизму политеизм, обряды и специфическая символика были совершенно непонятны выходцу из российской средневековой глубинки. Несмотря на толерантность и пластичность индуизма, он оставался «закрытой» религией для иноверцев. Ислам же с его центральным принципом единобожия казался ближе и понятнее. В дневниках Никитина есть места, где он намекает, что эта религия, в принципе, может иметь право на существование. Но, несмотря на мощное давление со стороны мусульманского окружения, Никитин посчитал переход в иную веру для себя неприемлемым.

Внутренний нравственный и духовный выбор русского купца был очень непростым. Будучи человеком незаурядным и проницательным, он должен был понимать, что отказываясь от принятия ислама, он не сможет преуспеть в своей торговой миссии в мусуль-

манской Индии, куда забросила его судьба. Так и произошло. «Итак, русские братья христиане, — отмечал Никитин в своих дневниках в назидание потомкам, — кто из вас хочет идти в Индийскую землю, тогда ты оставь свою веру на Руси и, призвав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю» [18, с. 60–61].

Итог «Хождения» Никитина в Индию мог быть совершенно иным, выбери он южное, а не восточное направление для своих странствий по индийскому субконтиненту. Во многих регионах Малабарского побережья, расположенных несколько к югу от того места, где он впервые ступил на индийскую землю, к концу XV в. значительно усилилось присутствие сирийской Православной Церкви, основанной в Индии в первые века нашей эры апостолом Фомой. По свидетельству некоторых источников, к началу XVI в. на юго-западном побережье Индии проживало свыше 30 тыс. православных семей [22, р. 433] — цифра по тем временам весьма значительная. Никитин чувствовал бы себя здесь гораздо комфортнее, и результат его отважного предприятия мог бы быть веселее.

Некоторые из его впечатлений оказались единственным источником информации о давно исчезнувших с карты местах и важных событиях. К таковым можно отнести рассказ Никитина о важнейшем центре религиозного паломничества индусов на территории Индии, священном месте поклонения под названием «Шрисайлам», с которым связано немало страниц индийского эпоса и мифологии, известном еще со времен Махабхараты под названием Шри Парваты, или «благословенного холма» («...Их Иерусалим, а по-басурмански Мекка...» [18, с. 64], как характеризует этот исторический комплекс Никитин). Располагающийся на вершине невысокого прибрежного холма реки Кришны древний храмовый комплекс, в котором главными объектами поклонения являются Шива в облике Малликарджуны и его божественная супруга в образе Бхрамарамбы Дэви, и по сей день является одним из двенадцати наиболее почитаемых религиозных святынь индуизма. Что же касается самого холма, на котором он расположен, то ему присваивается наивысший сакральный статус «южного» Кайлаша.

Не вызывает поэтому особого удивления тот факт, что заметки Афанасия Никитина об этом храмовом комплексе, представляющие собой единственное достоверное свидетельство о том, как выглядела эта святыня индуизма во второй половине XV в., вызвали огромный интерес научной общественности в британской Индии. Сопоставление их с подробными записками английского исследователя капитана Маккэнзи, посетившего эти места в марте 1794 г., то есть почти 300 лет спустя, предоставляло уникальную возможность проследить процесс его развития в исторической перспективе, обнаружить и попытаться объяснить перемены, происходившие в окружавшей его социально-бытовой и экономической инфраструктурах.

В частности, дневниковые записи русского купца позволяли прийти к заключению, что во второй трети XV в. храмовый комплекс Шрисайлам все еще сохранялся в своей первоначальной красоте и величии, несмотря на то, что окружающие его земли уже находились под властью династии Бахманидов. На это указывает отсутствие в заметках Никитина каких-либо ссылок на имеющиеся разрушения и упадок. Ярким контрастом в этой связи служили путевые заметки английского исследователя, опубликованные в журнале «Азиатские исследования, или труды по изучению общества», учрежденном в Бенгалии для изучения истории древних искусств, наук и литературы Азии.

Ко времени посещения английским путешественником эта индусская святыня уже испытала на себе всю тяжесть религиозной нетерпимости и фанатизма мусульманских завоевателей и, судя по всему, была уже далека от того великолепия, которое довелось увидеть русскому первопроходцу. «...Все завоевания мусульман носят на себе характер религиозных войн, — совершенно справедливо отмечал И. П. Минаев. — <...> Их полчища не только грабили то, что ценно, но и оставляли по себе злую память, разрушая святыни или подвергая их поруганию» [10, с. 34].

И все же английскому исследователю открылась картина поистине впечатляющая: Парвата, по его словам, включала в себя несколько храмов, обнесенных стеною, имев-

шею в длину 660 футов, а в ширину 510 футов, в самой ограде находилось несколько храмов и других зданий, а также сад и пруд. Ограда, как отмечал он, была выстроена из правильно обтесанных камней сероватого цвета и имела в высоту от 24 до 27 футов, причем сами камни, которые использовались при строительстве ограды, имели также довольно внушительные размеры — от шести до семи футов в длину и около трех в высоту. На Никитина такие небывалые пропорции произвели гораздо большее впечатление, чем на более образованного англичанина. «А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная...», — с изумлением записывает он в свой дневник [18, с. 61].

Комментируя это, русский индолог И. П. Минаев дает важное пояснение в отношении терминов «бут» и «бутхана», употребляемых Никитиным при описании мест религиозного поклонения индусов. Так, он считает, что «...Афанасий Никитин употребляет персидские слова — „бут“ и „бутхана“ — в значениях „идол“ и „капище“» и что в его устах «оба эти выражения не имеют никакого отношения к Будде или буддизму, давно уже не существовавшему в то время в той части Индии. <...> Афанасий Никитин в своих записках различает в индийском населении мусульман и идолопоклонников; первых он называет б е с е р м е н а м и, а вторых — к о ф а р а м и; последние, по его словам... „молятся каменным болванам, а Христа не знают“ или же: „все веруют в Бута“». Далее русский исследователь отмечает, что слово «бут» в понимании Аф. Никитина имеет значение «...идола, или каменного болвана» [10, с. 131]. Это толкование можно принять за исчерпывающее объяснение. Воспитанный в духе единобожия, он не мог уловить различий между громадным числом зрительных образов многочисленных воплощений божеств индуского пантеона и использовал для их описания понятный ему собирательный термин.

Внимательно изучавшие и сопоставлявшие заметки двух путешественников исследователи не могли не обратить внимания и на другой момент. Никитин пишет о 12 ярусах скульптурных барельефов, украшавших главный храм Малликарджуны: «...всего вырезано 12 венцов, как бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах...» [18,

с. 64]. В то же время Маккэнзи пишет уже только о 9 ярусах барельефной резьбы. Ясно, что ни тот, ни другой не могли ошибаться в простых арифметических подсчетах, и поэтому вывод напрашивается сам собой: значительная часть храма оказалась разрушенной во времена мусульманского господства.

Скульптурные изображения, конечно, поразили воображение русского купца, но в своих записях он остался верен себе и никак не выказывал эмоций и воздерживался от комментариев. «Бут... являлся индийцам во многих образах,— пишет он о барельефах храма Малликарджуны,— первое — в образе человека; второе — в облике человека, но с хоботом слона; третье — человеком в виде обезьяны; четвертое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень» [18, с. 64].

У человека, воспитанного в духе пуриганских традиций и норм христианской морали, скульптурные изображения подчас очень вольного характера не могли не вызывать чувства отторжения и внутреннего протеста. Но нигде на страницах его дневника нельзя встретить, говоря словами И. П. Минаева, «нетерпимого высокомерия», свойственного многим «современным правителям Индии. Говоря о местных обычаях, о религии туземцев, он сообщает факты, не комментируя их враждебно, не упоминает о бесконечном числе скотских качеств у Индийцев», которые столь часто «подмечали» некоторые европейские путешественники [10, с. 43].

Но главное, на что обращали внимание индийские специалисты, исследовавшие путевые заметки двух путешественников, заключалось в том, что ни тому, ни другому так и не довелось увидеть главную святыню этого места религиозного паломничества — один из двенадцати фаллических символов бога Шивы, или так называемых самопроявленных «джойтир» лингамов, обладающих особым сакральным статусом. Это лишний раз подтверждало, что акцент на тщательное соблюдение ритуальной чистоты священных мест поклонения соблюдался в Индии даже в те отдаленные времена, когда представители иных конфессий были не столь частыми гостями на просторах этой страны.

Индийские исследователи конца XIX в. и (практически одновременно, но независимо от них) русский индолог И. П. Минаев подробно анализировали те места из дневников, где он рассказывал о военных походах бидарских властителей против могущественного царства Виджаянагар, располагавшегося в центральной части южной Индии.

Историческая ценность дневников тверского купца состояла и состоит в том, что записанные впечатления оказались единственным свидетельством этих эпохальных военных походов, дошедших до наших времен. Из них историки получили информацию о численности и составе войск бидарского султана, вооружении и воинской экипировке, о других важных деталях.

Записки Никитина, который скрупулезно вел отсчет дням и неделям своего пребывания в Индии, позволили внести существенные коррективы в имеющиеся исторические данные. Так, сопоставляя дневниковые записи русского купца с имевшимися хронологическими данными, И. П. Минаев пришел к заключению, что известный поход бидарского раджи Малика против пиратского анклава Шанкара раджи, располагавшегося в районах современного Гоа, продолжался не три года, как считалось ранее, а всего лишь два и закончился в 1471 г., то есть как раз в то время, когда Никитин еще был в Бидаре и видел завершение военной кампании своими глазами.

Никитин поехал за три моря «не как турист, а исключительно с торговой целью», которая разительным образом отличалась от намерений многих европейских преемников, не щадившими сил и даже жизнью для того, чтобы подчинить себе новые земли либо с помощью креста и Библии, либо путем экономического и политического принуждения. Быть может, поэтому содержание и общая тональность рукописи тверского купца сильно отличаются от многих средневековых хроник более позднего периода, в которых интенции их авторов отчетливо читаются между строк [10, с. 2]. По словам Никитина, в этот опасный путь он пустился, имея намерение открыть новые торговые пути и разведать, какие возможности может сулить для русских купцов торговля с Индией. Эта мотивационная основа

его путешествия объясняет тот факт, что в отличие от многих средневековых хроникеров, он в своих заметках стремился скорее осмыслить и понять увиденное, нежели сравнить непонятное с привычными реалиями и осудить за то, что оно совершенно не вписывается в собственные представления.

Многие исследователи его странствий отмечают, что он в деталях интересовался теми товарами, которые могли, с его точки зрения, представлять интерес для торговли с Россией. При этом традиционные ткани и специи он отметил как совершенно не заслуживающие внимания и сосредотачивался на драгоценных камнях. В каких бы местах он ни останавливался во время своего «хождения» по Индии — в Чауле, Джуннаре, Бидаре —, он везде интересовался именно этим предметом возможного экспорта в Россию, наводил справки и тщательно записывал полученные сведения в дневник.

Посещая религиозный комплекс Шри-сайлам во время традиционной ярмарки, проводимой в период фестиваля Шиваратри, он обратил внимание на оживленную торговлю драгоценными камнями. О том же самом пишет и английский исследователь Маккэнзи, указывая при этом на то, что добывались и обрабатывались они в районах, прилегающих к священному комплексу. Один из таких центров, описываемых им, располагался «неподалеку от развалин Чундра-гумпти-пунтум, в прошлом величественного города на северном берегу реки Кришны» [10, с. 2].

Тверичанин описывал и некоторые известные алмазные копи во владениях бахманидов (Райчур, Куллур, Гулбаргу, Голкопри), рассказывал не только о ценах на драгоценные камни в пересчете на рубли, но и об условиях приобретения самих месторождений, что выдает в нем уже жилку промышленника. Русский купец в те далекие годы прекрасно понимал, что разрабатывать месторождения самим экономически выгоднее, нежели покупать обработанные камни.

Таким образом, мы видим, что Никитина в Индии интересовали исключительно торговые и даже промышленные дела; к культуре местных жителей он относился уважительно, деликатно, без негативных оценок, что,

в принципе, характерно для известных русских путешественников. Подтверждением этому служили и приведенные цитаты из работы И. П. Минаева. Однако в современной научной среде имеют место и другие оценки. Например, в 1978 г. общественности была предложена так называемая теория ориентализма. Ее автор — американский ученый палестинского происхождения Эдвард Саид. Его позиция заключалась в утверждении тезиса, что все европейцы (включая и русских) являются европоцентристами, расистами и носителями идеи западного доминирования над Востоком. Конечно, определенные основания для такой позиции по отношению к европейцам времени колониализма были. Например, англичане Джеймс Милль и Г. С. Мэйн в свое время утверждали, что у индийцев нет цивилизации как таковой, нет ни искусства, ни поэзии, ни науки, ни законов, ни морали. Теория оказалась весьма привлекательной для неевропейских ученых, и вот уже в XXI в. ее развил индийский историк Мукерджи, большую часть жизни проживший и проработавший в США. Он пришел к выводу, что все известные русские, путешественники, ученые, коммерсанты или деятели искусства, побывавшие в Индии, поголовно были «ориенталистами» с колонизаторским стилем мышления, высокомерием и пренебрежительным отношением к Востоку. В «черный список» Мукерджи [26] попали основоположник русской индологии Иван Минаев, основатель классического театра в Индии, русский драматург Герасим Лебедев, путешественник и талантливый рисовальщик князь Алексей Салтыков и — как самый махровый «ориенталист» — русский художник Василий Верещагин. Тверской купец, совершивший многотрудное «хождение за три моря» в Индию в XV в., был заявлен «основоположником» русского «ориентализма».

Проведенный выше анализ работы Никитина убедительно показывает, что для таких радикальных негативных оценок нет оснований и что в заметках тверского купца отсутствуют основополагающие признаки, которые, по мнению авторов данной концепции, характеризуют ориенталиста. Очевидным подтверждением этого является и открытие памятника Аф. Никитину в Индии, к истории которого автор имеет самое непосредствен-

ное отношение. Наш экскурс в процесс изучения путешествия Никитина по Индии был необходим и для осознания большой значимости создания и установки в Индии этого памятника, которую придают данному событию и сами индийцы.

Знаковый и масштабный российско-индийский культурный проект, осуществленный Российским центром науки и культуры (РЦНК) в г. Мумбаи, которым автору этих строк довелось руководить с 1997 по 2003 г., вызвал живой и неподдельный интерес индийской творческой интеллигенции и научной общественности, широко освещался в местных газетах. Комплекс мероприятий, проведенных Российским культурным центром в рамках подготовки к открытию памятника, и активная информационная кампания, которую удалось организовать в местных СМИ, вновь, теперь уже на новом историческом этапе стратегического привилегированного партнерства, привлекли внимание в Индии к истокам российско-индийских связей, их истории, которую принято отсчитывать от путешествия тверского купца.

Памятник Никитину было решено построить неподалеку от Мумбаи, в окрестностях деревушки Чаул, где русский путешественник, если следовать его дневникам, впервые ступил на индийскую землю. Упоминание об этом населенном пункте можно встретить теперь лишь в книгах по истории и на старых картах. Его уже давно поглотил более крупный населенный пункт — Ревданда. Но русский купец не ошибся, записав в своем дневнике: «...И есть тут индийская страна...» [18, с. 59]. Хотя территория Гуджаратского султаната, к берегам которого до этого причаливал баркас с Никитиным на борту, в те далекие времена не считалась Индией, а сам султанат был независимым государством, тем не менее, строго говоря, и единого понятия «Индия» в то время не было. Индийский субконтинент объединял собой ряд разрозненных княжеств и мусульманских анклавов. Гуджаратский же султанат был присоединен к империи Бахманидов уже после возвращения Никитина в Россию (в 1573–1583 гг.)...

Процесс подготовки и строительства длился почти два года и был полон любопыт-

ных эпизодов, многие из которых рельефно высвечивают ту или иную грань индийской действительности и эмоциональную составляющую российско-индийских связей. Церемонии закладки первого камня в основание будущего монумента по согласованию с Генеральным консульством РФ в Мумбаи было решено приурочить к празднованию 100-летия со дня основания в Индии первой российской дипломатической миссии. Эта юбилейная дата в истории отношений двух стран широко отмечалась в Бомбейском консульском округе. Но ее подлинной кульминацией стал первый государственный визит в Индию В. Путина в качестве Президента РФ в начале октября 2000 г., который совпал по времени с проводимыми праздничными мероприятиями.

Во время официального приема, данного губернатором штата Махараштра П. С. Александером в честь главы российского государства, В. Путин сказал, что ему известно о планах строительства памятника в том месте, откуда русский путешественник начал свое путешествие по Индии, и что он всячески приветствует эту инициативу. Днем позже, на встрече с представителями местного бизнеса, российский президент вновь вернулся к этой теме и подчеркнул, что он поддерживает и одобряет идею установки памятника первому русскому путешественнику в дистрикте Алибаг.

Первая российская дипломатическая миссия была официально открыта в Бомбее 9 ноября (22 ноября по старому стилю) 1900 г., когда состоялась церемония поднятия российского флага над служебным помещением Генерального консульства России, располагавшегося в то время в гостинице «Тадж Махал», которая в неизменном виде существует до сих пор в качестве одного из лучших пятизвездочных отелей города. Этому предшествовали подписание консульского соглашения между Россией и Британией об открытии российской миссии, которое состоялось 24 января 1900 г., и публикация в российской печати 5 апреля 1900 г. Указа Николая Второго об открытии русской дипломатической миссии в Бомбее.

Переговоры и официальная переписка между Россией и Британией об открытии российской дипломатической миссии в Индии

носили затяжной и исключительно сложный характер. Они продолжались в общей сложности более 40 лет — с ноября 1858 по 14 августа 1899 г. Это объяснялось большой настороженностью британской администрации к предложению российского правительства об открытии дипломатического представительства, опасениями усиления влияния России в Индии, которое могло бы осуществляться, как утверждали некоторые британские политики, через пограничные страны, главным образом Афганистан и Центральную Азию.

И после подписания консульской конвенции 24 января 1900 г. все равно возникали спорные моменты. Так, получив сведения о том, что в Бомбей в качестве российского представителя планирует прибыть Вильям Оскарович фон Клемм, блестящий дипломат, имеющий богатый опыт работы на Востоке, генерал-губернатор Индии лорд Керзон стал настаивать на том, чтобы ранг российского представителя был ни в коем случае не выше консула. Однако его депеша, которую он направил в Лондон 15 апреля 1900 г., запоздала — десятью днями раньше в печати был опубликован Указ Николая Второго о назначении в Бомбей генерального консула.

Из архивных документов известно, что работа первого российского генерального консула в Бомбее в течение всех пяти лет была сопряжена со многими сложностями, возникавшими из-за враждебного отношения со стороны лорда Керзона. Известно и то, что первый российский дипломат в Индии с честью вышел из этого трудного положения, установив, несмотря на препятствия, чинимые британцами, обширные контакты с представителями широких кругов индийской общественности.

После одобрения идеи строительства памятника в головной организации (Российском центре международного научного и культурного сотрудничества) в Москве и в МИДе приступили к поиску земельного участка под возведение монумента. В соответствии с Законом о регулировании оборота иностранной валюты от 1999 г. на территории Индии не допускалось приобретение земельных участков в частную собственность лицами, не имеющими индийского гражданства. Мало что меняли и оговорки закона по исключению из общего

правила иностранных граждан, постоянно проживающих на территории Индии не менее 183 дней в году при условии получения специального разрешения от Резервного Банка Индии. Нужно было также учитывать, что в Индии очень пристально следят за сооружением памятников конкретным историческим персонам, поскольку в острой внутривнутриполитической борьбе они часто становятся дополнительным раздражителем и объектом провокаций. Представители Российского центра науки и культуры в Бомбее были вовлечены в процесс переговоров с советами старейшин (панчаятов) в соседних деревнях, обсуждения проекта в муниципальных органах власти. Все разговоры заходили в тупик, как только выяснялось, что за проектом стоит иностранная дипломатическая миссия.

В решении этого юридического вопроса значимую роль сыграл управляющий Российским культурным центром, индийский гражданин г-н Суварна. «Феномен Суварны» довольно примечателен. Такие опытные индийцы работали практически во всех российских культурных центрах в Индии, были своего рода «мажор-домами», или «палочками-выручалочками», в трудных ситуациях. Были такие старожилы в центрах в Калькутте (ныне Колката) и Мадрасе (ныне Ченнаи). В Нью-Дели большим почетом и уважением не только индийского, но и всего советского, а позже российского персонала всегда пользовалась г-жа Бано, рафинировано-интеллигентная представительница мусульманской элиты столицы, в Мумбаи работал вездесущий г-н Суварна. Эти люди, проработав в наших культурных центрах много десятилетий, практически со времени их основания в начале 1960-х гг., обрели обширнейшие связи в самых различных эшелонах индийского общества.

В то время, вплоть до начала 1980-х гг., советско-индийские связи переживали небывалый подъем. В страну часто приезжали с визитами высокопоставленные советские гости, что диктовало необходимость обеспечения соответствующего уровня представительства с индийской стороны. В ходе этой работы устанавливались связи с известными государственными и общественными деятелями, представителями политической, на-

Рис. 2. Ирина Чельшева в сопровождении Д.Патила и Н.Дешмукх осматривают место строительства памятника на территории колледжа (Фото Д. Чельшева)

учной и деловой элиты. С годами эти люди постепенно уходили со сцены, но оставались их родственники и знакомые, которые свято хранили о них память, и уже одно упоминание о старом знакомом способно было сразу поменять тональность беседы и позволяло решить многие трудные вопросы и проблемы.

Управляющему удалось разыскать в дистрикте Алибаг г-на Датта Патил, руководителя местного отделения Народной рабоче-крестьянской партии (одного из мелких осколков некогда влиятельной коммунистической партии Индии) и президента Образовательного общества региона Конкан. В действительности же это был подлинный «крестный отец» всего региона: его слово было законом для местных силовых структур и полиции, для чиновников административного аппарата дистрикта, не говоря уже о местных органах самоуправления.

При встрече в РЦНК Патил с ностальгией вспоминал былые времена, когда советско-индийские связи развивались под эмоциональным лозунгом «Хинди-руси бхай-бхай», восторженно говорил о Ленине и Октябрьской революции, которая, по его мнению, всколыхнула всю Индию (революция 1917 г. действительно оказала большое влияние на индийскую творческую интеллигенцию, в особенности на пи-

сателей и поэтов — и это отнюдь не идеологическое клише), вспоминал эпизоды из борьбы трудящихся Алибага за свои права в первые годы независимого развития страны. Информацию о проекте строительства памятника Афанасию Никитину Патил воспринял с энтузиазмом и выразил готовность предоставить российскому посольству в дар участок земли в бессрочное пользование на территории одного из колледжей. Этот колледж, носящий имя видного деятеля культуры штата Пиланкара, ока-

зался расположенным в живописном местечке в окружении кокосовых пальм на самом берегу Аравийского моря, возможно, действительно неподалеку от тех самых мест, где Афанасий Никитин впервые ступил на индийскую землю.

Вскоре директор Российского центра науки и культуры в Бомбее Дмитрий Чельшев и сотрудники Российского генерального консульства Михаил Кривошеев и Давид Мнацакян подписали официальные документы дарения в офисе Патила в Алибаге. Все было оформлено на гербовой бумаге, с печатями и подписями, в присутствии государственного нотариуса. Один из принципиальных вопросов, связанных с предстоящим строительством, был, таким образом, успешно решен.

При процедуре подписания нашу делегацию торжественно встречали со всеми принятыми почестями все школьники колледжа имени Пиланкара в окружении преподавателей, совершались традиционные обряды, сопутствующие началу каждого ответственного предприятия, не обошлось и без импровизированного концерта. Русская «Катюша», даже в непрофессиональном исполнении, была принята на ура. Далее предстояла обычная рутинная работа: переписка, согласование, обсуждение.

Предварительно проект был уже оговорен и с администрацией Тверской области. Оставались вопросы по уточнению состава делегации для участия в мероприятии. Ключевую роль в реализации этого проекта на всех его этапах сыграла помощник губернатора Тверской области Ольга Ивановна Пищулина¹. Все развивалось по намеченному плану: была определена дата торжественной церемонии. Тверская делегация купила билеты на самолет, и для нее были забронированы места в той самой исторической гостинице «Тадж Махал». Приглашение получили члены российской делегации, при-

Рис. 3. Директор РЦНК Дмитрий Челышев подписывает акты дарения земли под строительство памятника (Фото И. Челышевой)

бывшие в Мумбаи для участия в торжествах, посвященных 100-летию первой российской дипмиссии, Посол РФ в Нью-Дели и сотрудники генконсульства. Был даже зафрахтован специальный прогулочный катер для отправки делегации в Алибаг, который с виду напоминает речные суда, которые, наверное, курсировали по Темзе или Миссисипи в конце XIX в.

Хотя расстояние между центральной, самой южной частью Мумбаи и Алибагом по прямой всего около 130 км, добраться туда отнюдь не просто. Город расположен на полуострове, отделенном от материковой части и дистрикта Алибаг устьем бомбейской портовой гавани. Путь туда на прогулочном катере составляет около часа. Затем

от пристани до колледжа Пиланкара нужно проехать еще около 20 км по дороге. В итоге от места до места можно добраться 1,5–2 часа.

Рис. 4. Делегация Тверской области встречается с главным министром штата Махараштра В. Демукхом (Фото И. Челышевой)

¹ На этапе установки и открытия памятного сооружения О. И. Пищулина занимала уже должность заместителя губернатора

Путь же по автомобильной дороге, с учетом местного трафика, занимает в один конец 5–6 часов.

Когда до назначенной даты проведения церемонии оставалось 3–4 дня, на катер были уже завезены продукты и прохладительные напитки для членов делегации, от Патила пришло известие, что он передумал и проводить мероприятие не будет. Строптивный характер Патила к тому времени был хорошо известен, и поэтому ситуация выглядела безнадежной. Суварна сыграл роль спасителя. Он сумел отыскать друга молодости Патила и, возможно, соратника по классовый борьбе, который согласился помочь. Патила даже не пришлось переубеждать — он все сразу понял, как только увидел российских представителей на пороге своего кабинета в сопровождении своего товарища. «Все-таки вы меня обошли», — только и процедил он сквозь зубы. Дальше уже все пошло без приключений.

Дата закладки памятника (23 ноября 2000 г.) была выбрана не случайно. В этот день ровно 100 лет тому назад первый генеральный консул России Вильям фон Клемм официально открыл в Бомбее первую российскую дипломатическую миссию в Индии.

Все произошло, как и планировалось: в Ревданду прибыла российская делегация в составе Первого заместителя министра иностранных дел РФ Вячеслава Трубникова, вице-губернатора Тверской области Юрия Краснова, заместителя губернатора Тверской области Ольги Пищулиной, президента Союза промышленников и предпринимателей Твери Сергея Потапова, Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Индии Александра Кадакина, Генерального консула РФ в г. Мумбаи Дмитрия Казеннова, Представителя Росзару-

Рис. 5. Вице-губернатор Тверской области Юрий Краснов закладывает первый камень в основание памятника (Фото И. Чельшевой)

бежцентра в Индии Андрея Сорокина и практически всего старшего дипломатического состава Генерального консульства России в г. Мумбаи.

Проработавшие много лет в Индии дипломаты потом в кулуарах признавались, что это мероприятие вышло за рамки официоза и оказалось окрашенным в эмоциональные и искренние тона, которыми издавна отличались отношения между странами.

Прибывших на церемонию встретила запруженная народом площадь перед зданием колледжа, украшенная цветами, разноцветными гирляндами и накрытая по традиции тентом на бамбуковых шестах — так называемым пандалом. Выстроившиеся по бокам музыканты в красочной форме играли бравурные мелодии. Для того чтобы надеть на гостей гирлянды цветов, у входа собрались школьники и преподаватели колледжа.

Торжественный митинг открыл главный гость — Первый зам. министра иностранных дел РФ Вячеслав Трубников. Он зажег светильник, что символизирует собой начало каждого ответственного предприятия. После традиционных приветствий и речей членов кабинета министров штата Махараштра и российских гостей вице-губернатор Тверской области Юрий Краснов проследовал к постаменту бу-

дущего памятника и совершил торжественный символический обряд: под аплодисменты собравшихся заложил первый камень в его основу.

На площади была открыта и установленная рядом с будущим памятником мемориальная доска, надпись на которой гласит, что памятник первому русскому путешественнику в Индии был заложен вице-губернатором Тверской области в день празднования 100-летия первой российской дипломатической миссии в Индии.

Затем состоялся торжественный митинг, в ходе которого почетные гости из России и члены правительства штата Махараштра в своих выступлениях подчеркивали, что строительство памятника первому русскому путешественнику, фактически стоявшему у истоков многолетних и плодотворных российско-индийских связей, имеет большое политическое значение с точки зрения их дальнейшего развития и укрепления.

На строительство памятника ушло чуть более года, и 17 января 2001 г. на территории колледжа им. Пиланкара в Ревданде состоялась торжественная церемония его открытия. Мемориал в честь русского путешественника, возведенный при финансовом содействии администрации Тверской области по проекту местного архитектора Смиты Матре, представляет стелу из черного гранита высотой 7 метров, в основании которой по периметру укреплены бронзовые таблички на четырех языках — русском, английском, хинди и маратхи. На них выгравировано, что тверской купец Афанасий Никитин впервые ступил на индийскую землю неподалеку от места установки памятника. Рядом со стелой установлена

Рис. 6. Торжественный митинг в день закладки первого камня в основание будущего памятника. Выступает Дмитрий Челышев (Фото И. Челышевой)

гранитная мемориальная доска, на которой графически изображен маршрут путешествия Афанасия Никитина по Индии и приводится цитата из его записок, свидетельствующая о том, что он впервые высадился на берег Индии в местечке Чаул.

Для участия в церемонии прибыла делегация из Твери в составе вице-губернатора области Юрия Краснова, заместителя губернатора Ольги Пищулиной и мэра г. Твери Александра Белоусова, советника-посланника Посольства РФ в Индии Николая Кудашева, Представителя Росзарубежцентра в Индии Андрея Сорокина, Генерального консула РФ в г. Мумбаи Дмитрия Казеннова, директора РЦНК в г. Мумбаи Дмитрия Челышева и старшего дипломатического состава Генерального консульства РФ. В качестве почетных гостей с индийской стороны в мероприятии принимали участие министр внутренних дел и заместитель главного министра штата Махараштра Чхаган Бхуджбал, министр городского развития правительства штата Махараштра Сунил Таткаре, президент образовательного общества Конкан, известный адвокат Датта Патил и его вице-президент Нанда Дешмукх, руководящий состав штатовских отделений Индийского общества дружбы и культурных

Рис. 7. Памятник Афанасию Никитину в Ревданде (Фото Д. Чельшева)

Рис. 8. Гравировка на русском языке. С трех других сторон на памятнике выгравирован тот же текст на хинди, маратхи и английском (Фото Д. Чельшева)

связей и Индийско-русского общества дружбы, видные представители местной общественности и лидеры ведущих политических партий региона.

Приветственные послания по случаю торжественного открытия памятника были получены от губернатора штата Махараштра доктора П. С. Александера, главного министра штата Махараштра Виласрао Дешмукха, мэра г. Мумбаи Харишвара Патила, а также президентов Индийского общества дружбы и культурных связей Индийско-русского общества дружбы Радж Кумара и Джанака Радж Гупты. Они были зачитаны в ходе торжественного митинга директором РЦНК г. Мумбаи Дмитрием Чельшевым¹. В выступлениях

¹ Автором этой статьи.

подчеркивалось, что обелиск логическим образом завершает совершенное Аф. Никитиным отважное путешествие от берегов Волги и в этом смысле имеет глубоко символическое значение.

Торжества, связанные с открытием мемориала, привлекли большое внимание местной общественности и представителей средств массовой информации. На торжественном митинге присутствовало свыше 400 человек. Репортажи о состоявшемся событии были опубликованы центральной прессой на английском и маратхи.

Памятник Аф. Никитину в Ревданде стоит и поныне. Он прочно вошел в список местных достопримечательностей, и его часто посещают российские туристы, проезжая мимо

колледжа по пути в курортный комплекс Кашид на побережье Аравийского моря. Остается надеяться, что когда-нибудь претворятся в жизнь вынашиваемые его создателями планы и строительство этого монумента на территории одного из колледжей — событие само по себе исторически значимое — станет важным шагом в развитии двустороннего культурного сотрудничества между российским культурным центром и образовательным обществом региона Конкан, а в десятках школ и колледжах, объединённых под эгидой этого общества, будут изучаться русский язык и литература, проходить совместные фото- и художественные выставки, концертные программы, демонстрироваться российские художественные и документальные фильмы, читаться лекции и проводиться презентации российских вузов. Иными словами, увековеченная в монументе память о первом русском человеке, сошедшем на берег в этих местах, сможет, как это однажды уже случилось более 500 лет тому назад, придать новый импульс развитию и расширению российско-индийского сотрудничества.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Путевые заметки Афанасия Никитина вызвали еще в британской Индии большой интерес практически сразу после их публикации на английском языке в XIX в. Они сыграли значительную роль в уточнении ряда исторических данных по территориям, где располагались портовое поселение Чаула (ныне

часть Ревданда), портовый центр Дабул, город Джуннар с крепостью Шивнери, пещеры Пуну-Сонале, центр религиозного поклонения Шри-сайлам и др., а также сведений о численности, составе, экипировке войск бидарского султана во время военных походов против царства Виджаянагар. Был показан определяющий интерес тверичанина во время путешествий по Индии: он был мотивирован исключительно идеями развития торгового сотрудничества России с Индией, причем в сфере торговли драгоценностями и их промышленной разработки в самой Индии. Анализ дневниковых записей Аф. Никитина убедительно показал несуразность и ошибочность выводов сторонников теории ориентализма по отношению к его личности, что сразу ставит под сомнение их справедливость и по отношению к другим русским путешественникам, ученым и художникам, оставившим заметный след в культурной жизни Индии в свое время. В работе была впервые в научном формате представлена история установки монументального сооружения в честь Афанасия Никитина на малабарском побережье Индии. История установки монумента в честь русского купца выявила большой запрос в Индии на развитие сотрудничества с Россией. Культурный ресурс, являясь базовым в выстраивании общей концепции межгосударственных отношений, продолжает играть заметную роль в дипломатических отношениях с Индией и имеет хорошие перспективы при полноценном и активном его задействовании.

Dmitry E. CHELYSHEV

Cand. Sci. (General History),
Independent Researcher,
Moscow, Russian Federation,
de_chelyshev@list.ru

***Afanasy Nikitin in India:
A Historical Retrospective of the Legendary Journey***

Abstract. The article defines the historical significance of the journey of the Tver merchant Afanasy Nikitin in terms of its influence on the subsequent development of cultural contacts between Russia and India, and also reveals a number of circumstances associated with the installation of the only monument to this traveler in India. The text of a 15th-century literary monument, *A Journey Beyond the Three Seas*, is analyzed. The results of research by Indian and Russian scholars and a number of English-lan-

guage sources are used. Systemic-historical, historical-genetic methods and a number of methods of historical source study related to the interpretation and analysis of textual content are applied. The book by Nikitin has been studied in the aspect of comparing its content with information provided, among others, by Portuguese authors. The historical value of Nikitin's travel notes is emphasized as of the only evidence of the realities of the life of Indian society in the Bahmanid state, which allowed the author to reasonably make a number of corrections to the historical data. The late 19th-century publications of British and Indian authors dedicated to the detailed reconstruction of Afanasy Nikitin's route and published in *Gazetteer of the Bombay Presidency* are studied. The versions of the interpretation of the geographical names given in *A Journey Beyond the Three Seas* are considered. In the light of the publications that appeared on the pages of *Gazetteer*, the key stages of Nikitin's journey through the territory of the Western Deccan are considered. Discussions caused by the study of the *Journey* by Indian authors at the end of the 19th century are analyzed. The author claims that, in his notes, Nikitin sought to comprehend and understand what he saw rather than compare the incomprehensible with the usual realities and condemn it for the fact that it does not fit into his own ideas at all. The concept of Orientalism in assessing the significance and motives of the activities of famous Russian travelers and researchers of the East is criticized. An extensive factual record of events related to the erection of the monument to Afanasy Nikitin in the vicinity of Mumbai in 2002 is presented. The construction of the monument to Nikitin is interpreted as an event that gave a new impetus to the development and expansion of Russian-Indian cooperation. The author points out that the cultural resource is the basis in building a general concept of interstate relations and continues to play a significant role in interstate cooperation between Russia and India.

Keywords: Afanasy Nikitin, Ivan Minaev, *A Journey Beyond the Three Seas*, Bahmanid state, India, Orientalism.

Использованная литература:

1. Бобров А. Г. Что искал в Индии Афанасий Никитин? // *ROSSICA ANTIQUA*. 2017. № 2. С. 124–143.
2. Виташевская М. Странствия Афанасия Никитина. М.: Мысль, 1971.
3. Галимуллина А. Ф. Образ повествователя в «Хождении Афанасия Никитина» и «Записках Исаила Бекмухамедова о его путешествии в Индию» // *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2009. № 1. С. 25–29.
4. Галинская И. Л. Афанасий Никитин // *Культурология*. 2014. № 2 (69). С. 141–142.
5. Егоркин А. Г. Контекст главного героя и повествователя в «Хождении Афанасия Никитина за три моря» // *Слово. Словесность. Словесник. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции преподавателей и студентов. Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина*, 2015. С. 152–155.
6. Карабулатова И. С. Транскультурный конфликт и отражение трансформации личности трудового мигранта в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина // *Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта. Материалы IX международного научно-практического форума. В 2-х тт. Под научн. ред. С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой. М.: Экономическое образование*, 2017.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 6. Раздел 7. СПб: издание И. Эйнерлинга, 1842–1843.

References:

1. Bobrov, A.G. (2017) What Was Afanasy Nikitin Looking for in India? *ROSSICA ANTIQUA*. 2. pp. 124–143. (In Russian).
2. Vitashevskaya, M. (1971) *Stranstviya Afanasiya Nikitina* [The Wanderings of Afanasy Nikitin]. Moscow: Mysl'.
3. Galimullina, A.F. (2009) *Obraz povestvovatelya v "Khozhenii Afanasiya Nikitina" i "Zapiskakh Ismaila Bekmukhamedova o ego puteshestvii v Indiyu"* [The Image of the Narrator in Afanasy Nikitin's "Journey Beyond the Three Seas" and "Notes of Ismail Bekmukhamedov on His Travels to India"]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 1. pp. 25–29.
4. Galinskaya, I.L. Afanasy Nikitin. *Kul'turologiya*. 2 (69). pp. 141–142. (In Russian).
5. Egorokin, A.G. (2015) [The Context of the Protagonist and Narrator in Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas]. *Slovo. Slovesnost'. Slovesnik* [Word. Literature. Writer]. Conference Proceedings. Ryazan: Ryazan State University. pp. 152–155. (In Russian).
6. Karabulatova, I.S. (2017) [Transcultural Conflict and Reflection of the Transformation of the Personality of a Labor Migrant in Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas]. *Migratsionnye mosty v Evrazii: modeli effektivnogo upravleniya migratsiy v usloviyakh razvitiya evraziyskogo integratsionnogo proekta* [Migration Bridges in Eurasia: Models of Effective Migration Management in the Context of the Development of the Eurasian Integration Project]. IX

8. Кунин К. За три моря. Путешествие тверского купца Афанасия Никитина. М.: ОГИЗ Географгиз, 1947.
9. Кучкин В. А. Судьба «Хождения за три моря» Афанасия Никитина в древнерусской письменности // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 67-78.
10. Минаев И. П. Старая Индия. Записка на хождение за три моря Афанасия Никитина. СПб.: тип. В. С. Балашова, 1881.
11. Никитин А. Хождение за три моря Афанасия Никитина / Отв. ред. Адрианова-Перетц В. П. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948.
12. Открытие Востока: «Грешное хождение» Афанасия Никитина // Труды отдела древнерусской литературы. 2010. Т. 61. С. 518-532.
13. Семёнов Л. С. Хронология путешествия Афанасия Никитина. // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л.: Наука, 1986. С. 88-107.
14. Смирнова Д. С. Дискурсивное конструирование опыта межкультурной коммуникации в биографическом нарративе (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина). Автореф. дис. канд. фил. наук. Тверь: 2011.
15. Смирнова Д. С. Категория событийности в биографическом нарративе (на материале «Хождения за три моря Афанасия Никитина») // Вестник Университета Российской Академии образования. 2011. № 1. С. 30-36.
16. Трубецкой И. С. Хождение за три моря Афанасия Никитина как литературный памятник // Версты. 1926. Вып. 1. С. 164-186.
17. Фесенко М. В. Функциональная значимость заимствований в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина // Общетеоретические и отраслевые проблемы науки и пути их решения. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Отв. ред.: Сукиасян А. А. Уфа: Агентство междунар. исследований, 2019. С. 98-99.
18. Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.: Географгиз, 1960.
19. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466-1472 гг. (чтения И. И. Срезневского) // Ученые Записки Второго Отделения Императорской Академии наук. Ред. академик И. И. Срезневский. Кн. 2. Вып. 2. С. 225-307. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1856.
20. Якушева Г. В. Образ Индии в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина // Индийско-Российский дискурс гуманизма и транснациональности в творчестве Анна Бхау Сатхе, Александра Пушкина и Афанасия Никитина. Статьи и материалы международной конференции. М.: Гос. ин-т рус. языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 24-36.
21. Cunha J. G. da Notes on the History and Antiquities of Chaul and Bassein. Bombay: Thaker, Vining and Co., 1876.
22. Gazetteer of the Bombay Presidency — Kolaba District, 1883.
23. Gazetteer of Bombay Presidency — Poona District, 1885. Vol. 18, part. 3.
24. Gazetteer of the Bombay Presidency — Ratnagiri and Savantvadi District 1880. Vol. 10.
25. India in Fifteenth Century. Being a Collection of Narratives of Voyages to India from Latin, Persian, Russian and Italian Sources. Now first translated into English / Ed. by R.H. Major. London: Printed for the Hakluyt Society, 1857.
- International Forum Proceedings. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie. (In Russian).
7. Karamzin, N.M. (1842–1843) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 6. Section 7. St. Petersburg: izdanie I. Eynerlinga.
8. Kunin, K. (1947) *Za tri morya. Puteshestvie tverskogo kuptsa Afanasiya Nikitina* [Beyond the Three Seas. The Journey of the Tver Merchant Afanasy Nikitin]. Moscow: OGIz Geografiz.
9. Kuchkin, V.A. (1969) Sud'ba "Khozheniya za tri morya" Afanasiya Nikitina v drevnerusskoy pis'mennosti [The Fate of Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas in Old Russian Writing]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 67–78.
10. Minaev, I.P. (1881) *Staraya Indiya. Zapiska na khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina* [Old India. A Note about Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas]. St. Petersburg: tip. V. S. Balashova.
11. Adrianova-Perets, V.P. (ed.) (1948) *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina* [Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas]. Leningrad: USSR AS.
12. Gardzaniti, M. (2010) Otkrytie Vostoka: "Greshnoe khozhenie" Afanasiya Nikitina [Discovery of the East: "The Sinful Journey" of Afanasy Nikitin]. In: Ponyrko, N.V. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 61. St. Petersburg: Nauka. pp. 518–532.
13. Semenov, L.S. (1986) *Khronologiya puteshestviya Afanasiya Nikitina* [Chronology of Afanasy Nikitin's Journey]. In: Nikitin, A. *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina* [A Journey Beyond the Three Seas]. Leningrad: Nauka. pp. 88–107.
14. Smirnova, D.S. (2011) *Diskursivnoe konstruirovaniye opyta mezhkul'turnoy kommunikatsii v biograficheskom narrativе* (na materiale "Khozheniya za tri morya" Afanasiya Nikitina) [Discursive Construction of the Experience of Intercultural Communication in Biographical Narrative (Based on the Material of A Journey Beyond the Three Seas by Afanasy Nikitin)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
15. Smirnova, D.S. (2011) The Category of Eventfulness in the Biographical Narrative (Based on the Material of A Journey Beyond the Three Seas by Afanasy Nikitin) *Vestnik Universiteta Rossiyskoy Akademii obrazovaniya – Herald of the University of the Russian Academy of Education*. 1. pp. 30–36. (In Russian).
16. Trubetskoy, I.S. (1926) *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina kak literaturnyy pamyatnik* [A Journey Beyond the Three Seas by Afanasy Nikitin as a Literary Monument]. *Versty*. 1. pp. 164–186.
17. Fesenko, M.V. (2019) [Functional Significance of Borrowings in A Journey Beyond the Three Seas by Afanasy Nikitin]. *Obshcheteoreticheskie i otraslevye problemy nauki i puti ikh resheniya* [General Theoretical and Branch Problems in Science and Ways to Solve Them]. Proceedings of the International Conference. Ufa: Agentstvo mezhdunar. issledovaniy. pp. 98–99. (In Russian).
18. Nikitin, A. (1960) *Khozhenie za tri morya* [A Journey Beyond the Three Seas]. Moscow: Geografiz.
19. Sreznevskiy, I.I. (ed.) *Khozhenie za tri mirya Afanasiya Nikitina v 1466-1472 gg. (chteniya I.I. Sreznevskogo)* [Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas in 1466–1472. (Reading by I.I. Sreznevskiy)]. In:

26. Mukhopadhyay A. *India in Russian Orientalism*, New Delhi: Manohar Publishers & Distributors, 2013.

27. The Travels of Athanasius Nikitin, of Twer. Voyage to India. Transl. from Russian into English Count M. M. Wielhorsky // *India in Fifteenth Century. Being a Collection of Narratives of Voyages to India from Latin, Persian, Russian and Italian Sources. Now first translated into English* / Ed. by R.H. Major. London: Printed for the Hakluyt Society, 1857. Pp. 198-223.

Uchenye Zapiski Vtorogo Otdeleniya Imperatorskoy Akademii nauk [Scholarly Notes of the Second Division of the Imperial Academy of Sciences]. Book 2. Vol. 2. pp. 225-307. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

20. Yakusheva, G.V. (2019) [The Image of India in Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas]. *Indiysko-Rossiyskiy diskurs gumanizma i transnatsional'nosti v tvorchestve Anna Bkhau Satkhe, Aleksandra Pushkina i Afanasiya Nikitina* [Indian-Russian Discourse of Humanism and Transnationality in the Works of Annabhau Sathe, Alexander Pushkin, and Afanasy Nikitin]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. pp. 24-36. (In Russian).

21. Cunha, J.G. da. (1876) *Notes on the History and Antiquities of Chaul and Bassein*. Bombay: Thaker, Vining and Co.

22. *Gazetteer of the Bombay Presidency — Kolaba District*. (1883).

23. *Gazetteer of Bombay Presidency — Poona District*. (1885) 18 (3).

24. *Gazetteer of the Bombay Presidency — Ratnagiri and Savantvadi District*. (1880) 10.

25. Major, R.H. (ed.) (1857) *India in Fifteenth Century. Being a Collection of Narratives of Voyages to India from Latin, Persian, Russian and Italian Sources. Now first translated into English*. London: Printed for the Hakluyt Society.

26. Mukhopadhyay, A. (2013) *India in Russian Orientalism*. New Delhi: Manohar Publishers & Distributors.

27. Nikitin, A. (1857) The Travels of Athanasius Nikitin, of Twer. Voyage to India. Transl. from Russian into English Count M. M. Wielhorsky. In: Major, R.H. (ed.) *India in Fifteenth Century. Being a Collection of Narratives of Voyages to India from Latin, Persian, Russian and Italian Sources. Now first translated into English*. London: Printed for the Hakluyt Society. pp. 198-223.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Чельшев, Д. Е. Афанасий Никитин в Индии: историческая ретроспектива легендарного путешествия / Д. Е. Чельшев // *Наследие веков*. – 2021. – № 1 – С. 33–54. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.002

Full bibliographic reference to the article:

Chelyshev, D.E. (2021) Afanasy Nikitin in India: A Historical Retrospective of the Legendary Journey. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 33–54. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.002